
А. В. Дружинин

**Современные заметки.
Письма Иногородного Подписчика
в редакцию «Современника»
о русской журналистике. XX
Отрывок**

Как ни длинно письмо мое, но я не могу умолчать в нем о повести нового писателя, г. Писемского. Она помещена в двух последних книжках «Москвитянина» и называется довольно странно: «Тюфяк». Я бы посоветовал ее прочесть всякому, если б не знал, что ее и без того прочтут из-за одного ее оригинального заглавия. Тюфяками, как узнал я из повести, называются люди очень робкие, нескладные и чуждые общества: стало быть, Тюфяк значит почти то же, что Медведь. Но «Медведь» графа Соллогуба есть верх светскости в сравнении с «Тюфяком» г. Писемского: герой новой повести боится говорить даже с любимой женою, в день своей свадьбы. Повесть г. Писемского еще не кончена, и потому я не стану рассказывать ее содержания; она весьма занимательна, несмотря на чрезвычайную простоту событий, несмотря на то, что в ней много заимствованного. Но главным достоинством в авторе нужно признать его замечательную наблюдательность, подчас доходящую до подсматриванья таких микроскопических фактов, о существовании которых даже не знает иной читатель. Люди, одаренные наблюдательностью и умением передавать подмеченное ими, весьма склонны к крайностям, а что еще хуже — к претензиям: достоверно можно сказать, что редкий литератор уберегается от дурных сторон мелкой наблюдательности. Мы видели писателей, до того вдавшихся в мелочи, что им оставалось только враждовать с теми, которое идут по другой дороге; мы видели энтузиастов, утверждавших, что вся наша жизнь состоит из мелких и микроскопических драм и что иначе смотреть на действительность могут только люди безумные. Были любители, из мелочей силившиеся создать что-нибудь грандиозное и ощущавшие трепет при описании дурной погоды и пешехода, потерявшего калошу в грязи. Но г. Писемский не принадлежит к числу когда-то многочисленной колонны псевдореалистов: он совершенно чужд претензий, высокопарных умствований и беспрестанных отступлений; его рассказ сжат и прост, а эта самая простота так привлекательна, что повесть хочется прочесть больше одного разу. Я это сделаю и тогда уже поговорю о ней с читателями.

Впервые: М. 1850. № 17. Отд. IV. С. 21–34. Без подписи. Цензурное разрешение — 31.08.1850. Цензор В. Н. Лешков.

Атрибутируется на основании тематической и стилистической близости к статьям Григорьева (см.: *Лакшин В. Я.* О некоторых ошибках в изучении А. Н. Островского // Вопросы литературы. 1958. № 6. С. 220), Н. П. Кашин без достаточных оснований приписывал авторство Островскому (см.: *Кашин. С.* 49–50).

Григорьев к 1850 г., то есть к моменту формирования «молодой редакции», уже был опытным и достаточно известным литератором, в отличие от всех остальных новых сотрудников погодинского журнала. Его юношеские стихотворения рецензировал Белинский; как литературный и театральный критик, он участвовал в известных журналах, среди которых «Отечественные записки», «Финский вестник» и «Пантеон»; печатал Григорьев и переводы с нескольких языков, хотя по преимуществу не указывая своего имени. Григорьев участвовал в «Москвитянине» и как литературный критик, и как театральный обозреватель, и как переводчик, и как поэт. Он был наиболее последовательным и страстным пропагандистом идей «молодой редакции», с восторгом относился к творчеству Островского, с искренним негодованием осуждал своих оппонентов и был готов приветствовать писателей и критиков, в которых видел своих сторонников. В «Москвитянине» он обозревал несколько журналов (в разное время — «Современник», «Библиотека для чтения», «Пантеон»), писал концептуальные критические статьи, долгое время вел неперIODическую рубрику «Летопись московского театра», рецензировал отдельные книги, переводил «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гете. Разнообразная деятельность и относительная известность привлекали к Григорьеву пристальное внимание, а его полемический задор гарантировал, что внимание это было далеко не благосклонным. Насмешки и пародии на Григорьева не переставали появляться в журналах и газетах 1850-х гг. Тем не менее годы своего сотрудничества в «Москвитянине» Григорьев вспоминал как едва ли не самое счастливое время своей жизни. В письмах второй половины 1850-х гг. к Погодину и бывшим товарищам по «молодой редакции» Григорьев постоянно, настойчиво предлагал в той или иной степени возродить «Москвитянина» и их былое товарищество; подобные идеи были одним из главных двигателей литературной деятельности Григорьева и в дальнейшем (см., например: *Зильберштейн И. С.* Аполлон Григорьев и попытка возродить «Москвитянина» // Литературное наследство. М., 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования).

Одна из первых статей Григорьева в качестве члена «молодой редакции» посвящена комедии драматурга Павла Никитича Меншикова (1809–1879; см. о нем: *Прозорова И. В.* Павел Никитич Меншиков в русской драматургии XIX века. Автореф. дис. ... к. ф. н. Саратов, 2006) «Причуды», опубликованной в «Современнике» (1850. № 8). Комедия могла привлечь внимание Григорьева как сатирическим изображением столичного дендизма, так и подчеркиванием важности московского театра, которому критик к тому времени уже посвятил несколько статей (отсутствие интереса к таким артистам, как Щепкин и Косицкая, в комедии Меншикова характеризует столичных героев с отрицательной стороны — см.: С. 1850. № 8. Отд. I. С. 93, 109). Григорьев противопоставляет «Причуды» «светской» литературе, которая для него связана с эпигонским романтизмом. В частности, перечисляя клишированные образы героев современной литературы, критик «Москвитянина» отсылает читателя к своей предыдущей статье в журнале, посвященной комедии А. М. Жемчужникова «Странная ночь». В этой рецензии были сформулированы важные для критика особенности комедийного юмора: подлинная комедия должна «возбуждать участие к обличаемому и осмеиваемому» (М. 1850. № 13. Отд. V. С. 25). Если это условие будет соблюдено, «при

настоящем состоянии нашей словесности и ее направлении нравственно-обличительном комедии суждено занять едва ли не главное место между разнородными явлениями всей литературной деятельности» (Там же). Несмотря на в целом положительную оценку пьесы Меншикова, Григорьев не видит в ней качеств, которые могли бы позволить ей занять высокое место в русской литературе. Особый интерес Григорьева к русской комедии объясняется его желанием подчеркнуть роль в русской литературе пьесы «Свои люди — сочтемся!», которой и отводится «главное место» в русской литературе. Не названная прямо по цензурным условиям, комедия Островского подразумевается в рассуждениях критика о драматургии, особенно в требовании от слишком «тонкой» комедии Меншикова «красок более ярких, анализа более глубокого и сурового» (с. 45). Вероятно, Григорьев стремился противопоставить «Своих людей...» не только пьесе Меншикова, но и вообще чрезмерно, с его точки зрения, психологизированной русской драматургии, представителем которой был И. С. Тургенев, также печатавший свои пьесы в столичных журналах. С этим связано утверждение о недостатке в «Причудах» «выступающих характеров и подлинного комизма» (с. 50), очевидно, присутствующих в комедии Островского. В статье впервые на страницах «Москвитянина» возникает попытка соотнести современную русскую литературу с произведениями Шекспира, впоследствии вылившаяся в сопоставления Островского с Шекспиром в сочинениях Алмазова и самого Григорьева (см. наст. изд., с. 137, 355–359). Другая важная для «молодой редакции» тема — защита «творчества», подлинного искусства, от претензий «quasi-литераторов» (с. 50).

Рецензии Григорьева на «Странную ночь» и «Причуды» обратили на себя внимание анонимного обозревателя «Отечественных записок», писавшего, что они принадлежат «рецензентам, которые справедливо, хотя и чересчур строго, смотрят на комические произведения. Впрочем, этот чересчур серьезный, требовательный взгляд, приводя, с одной стороны, к исключительности и нетерпимости, с другой, полезен тем, что не дает в литературе места плохим произведениям. Иногда полезнее быть излишне строгим, чем излишне снисходительным» (ОЗ. 1850. № 12. Отд. VI. С. 115).

С. 43. *Жадно раскрываем мы каждую новую русскую драму, и еще более — каждую новую русскую комедию.* — В первую очередь имеется в виду комедия А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся!», прямое упоминание которой в печати не одобрялось цензурой (см. вступительную статью, с. 12).

С. 43. *...драматическая форма была, есть и будет венцом и вершиной поэзии, полным и цельным отражением народной жизни, народного сознания и народного созерцания.* — Слова Григорьева почти дословно совпадают с характеристикой, данной в статье В. Г. Белинского «Разделение поэзии на роды и виды» (1841): «...высший род поэзии и венец искусства — поэзия *драматическая*» (Белинский. Т. 3. С. 297). Белинский, в своей статье опирающийся на эстетику Гегеля, в данном случае отходит от идей немецкого философа, считавшего комедию последним шагом и — одновременно — распадом искусства, после которого дальнейшее развитие художественного творчества невозможно. Представление о драме как вершинной форме поэзии, выражающей сущность народной жизни, было широко распространено в русской и европейской эстетической мысли начала XIX в. Слова Григорьева о формальном совершенстве драмы восходят, возможно, к лекциям Ф. Шеллинга: «...драма оказывается высшим проявлением подлинного по-себе-бытия и существа всякого искусства» (Шеллинг. С. 394). Представление о драме как об идеальном отражении национальной жизни часто встречалось в русской философской эстетике 1820–1830-х гг. и было очень значимо для эстетики московского кружка, обычно называемого «любомудрами» (см.: Мазур Н. Н. Пушкин и «московские юноши»: Вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 64). В 1833 г. Н. А. Полевой похвально отзывался о замысле «Бориса Годунова» — драмы, создатель которой «хотел явить не только самобытное, но и национальное, извлечь для сего элементы из своего родного, отечественного...» (Пушкин в прижизненной критике. Т. 3. С. 218).

С. 43. *...на страницах русского журнала ~ едва ли не вся заслуга Шекспира!* — Приведенное Григорьевым мнение — почти дословная цитата из переведенной с английского статьи «Шекспир и критики», напечатанной в «Северном обозрении»: «Какая же главная цель драматурга или по крайней мере главное условие его произведений? *Занимать и забавлять слушателей*» (Северное обозрение. 1850. № 3. С. 533; курсив переводчика; оригинал: Edinburgh Review. 1849. July. P. 41). Внимание Григорьева должен был также привлечь похвальный пересказ этой статьи в «Письмах о русской журналистике», напечатанных в «Современнике», в том же номере, что и рецензируемая комедия: «Цель Шекспира была занимать и забавлять публику; а этой цели можно было достигнуть только эффектами драматическими, а не литературными...» (С. 1850. № 8. Отд. VI. С. 292). Ссылки на мнение публики были очень характерны для редакции «Современника» вообще (см. вступительную статью к наст. изд., с. 24–25).

С. 43. *...который, как известно всякому ~ одним голым драматическим положением!...* — Представление о естественности гения Шекспира, не стремившегося к драматическим эффектам, — общее место преромантической и романтической эстетики, в частности значимое для

А. В. и Ф. Шлегелей. В русской критике подобные представления также были широко распространены — так, Белинский противопоставлял основанную на сценических эффектах игру В. А. Каратыгина подлинно гениальному созданию образа П. С. Мочаловым и замечал при этом: «...мы только теперь поняли, что в мире один драматический поэт — Шекспир и что только его пьесы представляют великому актеру достойное его поприще, и что только в созданных им ролях великий актер может быть великим актером» (Белинский. Т. 2. С. 58).

С. 43. *Принадлежи комедия г. Меншикова ~ князей, ардатовых или тамариных.* — Тамарин — герой нескольких произведений М. В. Авдеева (1821–1876). Здесь имеется в виду повесть «Варинька» (С. 1849. № 9), впоследствии включенная в состав романа «Тамарин» (1852). О продолжении этой повести под названием «Записки Тамарина» (С. 1850. № 1–2) Григорьев писал: «...никому и в голову, конечно, не приходило, чтобы можно было растянуть еще на две книжки плохое подражание роману Лермонтова; с другой стороны, при всем добром желании смотреть на произведение г. Авдеева как на пародию, не было и до сих пор нет никакой возможности подозревать в нем заднюю мысль: нет нигде иронии, а напротив, <...> повсюду проглядывает такое наивное поклонение личности героя <...>, что невольно изумляешься этому непостижимому в наше время явлению. Не видать нигде, чтобы автор был выше избранного им героя, чтобы для него разоблачен был во всей наготе этот пустой, пошлый и праздный господин, имеющий претензию на демона...» (М. 1851. № 2. Отд. IV. С. 214–215). В «москвитянинских» статьях Григорьев еще не раз обращался к образу Тамарина как к примеру слепого подражания Лермонтову. Повесть Авдеева «Иванов» (С. 1851. № 9) критик считал попыткой развенчать этот образ: «Г. Авдеев, наведенный ли на правду замечаниями критики, сам ли увидавши наконец тщету величия Тамарина, имел, как видно, намерение очень хорошее: свести Тамарина, как представителя старого и уже отжившего направления, с человеком новым» (М. 1851. № 19–20. Отд. IV. С. 657). В предисловии к отдельному изданию романа Авдеев называл упрек Григорьева в идеализации героя несправедливым (см.: Авдеев М. В. Тамарин. СПб., 1852. Ч. 1. С. V), причем объяснение автора, который, по собственным словам, с самого начала желал не повторить, а разоблачить Печорина, вызвало похвальный отзыв обозревателя «Отечественных записок» (см.: 1852. № 3. Отд. VI. С. 16–18). В полемику с ним, а также с самим Авдеевым, вступил Эдельсон, заявивший: «Мы готовы и с своей стороны видеть в “Тамарине” попытку разоблачить новейших печориных, но не можем не сознаться, что попытка эта мало удачна. В этой любви, с которой автор рисует своего героя, много привлекательного для неопытных сердец...» (М. 1852. № 8. Отд. V. С. 139). Однако к сер. 1852 г. Григорьев пересмотрел свое отношение к Авдееву в связи с появлением его рассказа «Нынешняя любовь» (С. 1852. № 6). Пространный отзыв об этом произведении практически полностью состоит из выписок, судя по которым, Григорьев высоко оценил сатирическое изображение в рассказе петербургского светского общества (см.: М. 1852. № 9. Отд. V. С. 20–24). С точки зрения критика, подражатели Лермонтова очень близки к представителям светской литературы, к которым в статье отнесен А. М. Жемчужников, автор комедии «Странная ночь» (С. 1850. № 2). Главным героем пьесы и является упомянутый в статье Ардатов. В рецензии на отд. изд. «Странной ночи» (СПб., 1850) Григорьев упрекал Жемчужникова в чрезмерном интересе к правилам «утонченной светскости» и отказывал его произведению в праве называться комедией: «Какая охота называть “Странную ночь” комедией, если есть в литературе такие комедии, как “Горе от ума”, “Ревизор”, “Женитьба”? — Разве от этого новое произведение могло выиграть?» (М. 1850. № 13. Отд. IV. С. 27). Названный наряду с Тамариным и Ардатовым «князь» — видимо, не конкретный персонаж, а обобщенный представитель «светских» героев, наводнивших, по мнению членов «молодой редакции», русскую литературу.

С. 43. *...как другие верят еще ~ домашнее спокойствие супругов.* — Вера в «огненного змия» в русской литературе XIX в. часто упоминалась как знак провинциального невежества. Ср. в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова (1847): «В третьем году ко вдове Сидорихе, — примолвила Аграфена, — летал по ночам огненный змей в трубу» (Гончаров. Т. 1. С. 444); схожий образ будет использован в «Грозе» (1859) А. Н. Островского: «Да чего, матушка Марфа Игнатьевна, огненного змия стали запрыгивать: все, видишь, для-ради скорости» (Островский. Т. 2. С. 236).

С. 44. *...«галантерейное, черт возьми, обращение!»* — Неточная цитата из комедии «Ревизор» (1836, д. II, явл. 1). У Гоголя: «Галантерейное, черт возьми, обхождение!» (Гоголь. ПССиП. Т. 4. С. 23). Цитируются слова слуги Осипа о петербургских нравах, что намекает на «лакейское», с точки зрения Григорьева, отношение «светских» писателей к высшему свету.

С. 44. *...«вы, господа, смотрите на меня ~ от пустоты душевной...»* — Об Ардатове см. выше. Упоминание о подражании лермонтовскому «Маскараду» текстуально близко к отзыву Белинского о драме в стихах самого Григорьева «Два эгоизма» в статье «Русская литература в 1845 году»: «...в целом довольно бледное отражение довольно бледной драмы Лермонтова “Маскарад”» (Белинский. Т. 8. С. 21). Об отношении Григорьева к Лермонтову см. в статье «Русская литература в 1851 году» и коммент. к ней.

С. 44. «Размазова — московская барыня, с простым, несколько грубым лицом — важная особа по своим понятиям». — Цитируется примеч. из пьесы Меншикова (С. 1850. № 8. Отд. I. С. 87). Здесь и далее цитаты из пьесы приводятся точно.

С. 44. ...ее поправляют даже уездные барышни ~ знают имена русских актеров. — Отсылка к эпизоду из комедии Меншикова Жан-Франсуа-Казимир Делавинь (1793–1843) был автором известной пьесы «Школа стариков» (1823), которую героиня Меншикова путает со «Школой жен» (1662) Мольера. На русский язык «Школу стариков» перевел сам Григорьев (опубликовано без указания переводчика: П. 1850. № 1; см.: Виттакер. С. 499). О. И. Сенковский был редактором «Библиотеки для чтения» с 1834 по 1849 г. и, по всей видимости, продолжал во многом определять политику журнала до середины 1850-х гг. Незнание этого факта столичной героиней обыгрывается у Меншикова.

С. 45–46. ...вот вам сцены в pendant ~ почти тридцатилетнего сына. — Имеется в виду драматический «Отрывок» (1842) Н. В. Гоголя, героиня которого заставляет великовозрастного сына сменить службу и стать военным.

С. 46. Повесть эта напечатана ~ милovidною барышнею. — Имеется в виду повесть А. Д. Галахова (ОЗ. 1845. № 10). Высоко отзываясь о вложенных в «Старое зеркало» мыслях, Григорьев повторяет мнение Белинского, находившего в этом произведении «много интересных частностей и умных замечаний» (Белинский. Т. 8. С. 24). Белинский, как и Григорьев, обратил внимание на образ героини повести. Статья Белинского «Русская литература в 1845 году», содержащая оценку «Старого зеркала», могла запомниться Григорьеву, поскольку в ней был помещен краткий отзыв о его собственных произведениях (см. выше, с. 582).

С. 46. «Марья Ивановна молодец ~ окрик даст». — Цитата из повести Галахова (ОЗ. 1845. № 10. Отд. I. С. 195).

С. 46. ...с этой, по выражению отца, козырем-девою. — Отсылка к повести Галахова (Там же. С. 193).

С. 47. Между ним и его женою — не маниловские отношения, не сентиментальная дружба. — Отсылка к описанию отношений Манилова с женой из первого тома «Мертвых душ» (1842) Н. В. Гоголя.

С. 47. Это не строгая пуританка вроде Клариссы Гарлоу... — Отсылка к роману С. Ричардсона «Кларисса» (1748). Пуританка здесь — моралистка, ханжа. Ср. в повести А. Ф. Писемского «Тюфяк» (1850) описание ненависти, которую почувствовал герой к своей жене, оказавшейся кокеткой: «...не так взглянул на это Павел, пуританин по своим понятиям, образовавшимся в одностороннем воспитании...» (Писемский. Т. 1. С. 455). Героиня Ричардсона в XIX в. воспринималась как воплощение старинных представлений о добродетели. Ср. неоднократные упоминания о ней в произведениях А. С. Пушкина, например в «Графе Нулине» (1827) и в «Романе в письмах» (1829).

С. 50. ...прочтя их ~ должно было быть так. — Отсылка к ставшему общим местом положению из трактата Аристотеля «Об искусстве поэзии». В изложении С. П. Шевырева это место выглядело так: «...дело поэта: передавать не то, что случилось, а то, что могло бы случиться, то есть возможное по вероятности и необходимости» (Шевырев С. П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М., 1836. С. 59). Формулировка Григорьева близка к употребляемой Шеллингом: «Каждое подлинное произведение искусства абсолютно необходимо: такое произведение искусства, которое одинаково могло бы быть и не быть, этого имени не заслуживает» (Шеллинг. С. 163).